

GADZHIEV Kamaludin Serazhudinovich, Dr.Sci. (Hist.), Professor, Chief Researcher of the Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (23 Profsojuznaja St, Moscow, Russia, 117997; k.zuhrabvi@gmail.com)

ON REASSESSING THE IDEAS AND VALUES OF POLITICAL DEMOCRACY

Abstract. The article attempts to identify and analyze some trends and processes of transformation of basic values, ideas, attitudes, principles of political democracy in the West in the context of globalization and the information and telecommunication revolution. Having traced historical roots, a complex and difficult path of its formation and institutionalization in a narrow group of Western countries, it is regarded as a great achievement on the path of progress of Western humanity. In the last decades of the 20th century and especially at the beginning of the new millennium, a part of the western intellectual establishment and political elite began to show a desire to absolutize the values of liberalism and political democracy, which are regarded as the truth in the last resort, suitable for all peoples in the modern world. As a result, in the new libertarian understanding of democracy, ideological, radical options for interpreting human rights and freedoms took precedence. They received their most complete expression in the foreign policy strategy of so-called democratic revolution in the West led by the United States. The author analyzes the results of this strategy in terms of the position and prospects of the western model of democracy in other regions of the modern world. It is shown that, despite the adoption of its ideas and institutions by some of these countries, the overwhelming majority of them are not able to accept and master democracy, because they have other priorities and goals for solving their vital social and economic problems, which are beyond the power of an abstractly understood democracy with its human rights and freedoms.

Keywords: West, democracy, new democracy, liberalism, libertarianism, human rights, freedom, politics, state, power, export of democratic revolution

---

КАМЕНСКАЯ Галина Валентиновна — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник сектора теории политики Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (117997, Россия, г. Москва, Профсоюзная, 23; stp@imemo.ru)

«ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ» СОВРЕМЕННОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Аннотация. В статье обосновывается идея принципиального различия между классической либеральной теорией и постклассическим либерализмом. Суть этого различия состоит в отказе от выделения полюсов сакрального и профанного, что влечет за собой фундаментальные последствия: отказ от идеи истории и проекта Модерна в целом, а также, в конечном счете, утрату либерализмом характера идеологии и способности выполнять ее функции.

Ключевые слова: идеология, Модерн, либерализм, теория справедливости, постклассический либерализм

Если аналитики, изучающие современную картину состояния общества во всех его измерениях — от уровня глобальных процессов и трансформации системы международных отношений до состояния базовых социальных институтов семьи, культуры, образования, — не принадлежат к одной школе, найти в их выводах точки соприкосновения бывает далеко не просто. Но когда такие точки все же есть, то чаще всего они сводятся к констатации неустойчивости и переходного характера сложившихся систем, норм и правил регулирова-

ния, вступления мира в период «большой дестабилизации», а также к открыто признаваемому отсутствию понимания того, что придет на смену нынешней реальности. Неопределенность, нестабильность, промежуточный этап, кардинальное переустройство, неожиданные итоги, стремительный поворот – такого рода слова выносятся в заголовки материалов, посвященных результатам выборов в ведущих странах Запада, ранее представлявшихся оплотом предсказуемости, новым экономическим инициативам крупнейших игроков на мировом рынке, а также действиям участников конфликтов в горячих точках мира. Как признание непреложного факта звучат мнения о возврате времен геополитики и упадке основных идеологий, ранее во многом расставлявших ориентиры и в партийно-политической жизни стран с конкурентными партийными системами, и в соперничестве сверхдержав на международной арене.

Однако столь ли бесспорен тезис о снижении роли идеологий в современном мире или даже о завершении эпохи идейного противостояния, особенно громко звучавший после распада СССР? Не кроется ли за внешним отступлением идейной борьбы под натиском *realpolitik* глубокое переустройство идеологических систем, прежде всего либерализма – стержневой идеологии проекта Модерна? Одно из наиболее перспективных направлений поиска ответа на поставленный вопрос – это обращение к дискуссиям, которые велись и ведутся в настоящее время в «теоретической лаборатории» современного либерализма. Проникновение в ее сложное наполнение предполагает знакомство с позициями и подходами многих авторов, участвующих в дискуссиях и излагающих различные, порой весьма далеко расходящиеся точки зрения. Но правомерен и другой подход: панорамный взгляд позволяет за многообразием аргументации выделить некоторые важнейшие черты картины современных идеологических процессов. Многое можно понять также, определив, как видят авторы, получившие наибольшее признание в качестве ведущих теоретиков либерального направления, свою роль, становятся ли их концептуальные наработки предметом общественно-политических дискуссий, находя так или иначе отражение в партийных программах и, в конечном счете, в политической практике. Подобного рода анализ, несомненно, предполагает определение характера самой «теоретической лаборатории» и ее места в многоплановой конструкции либеральной идеологии.

Если говорить в историческом плане, то необходимо в первую очередь зафиксировать важнейшее обстоятельство – феномен идеологии сформировался в период Модерна как изоморфная монотеистической религии цельная секуляризованная мировоззренческая система, как «обмирщенная религия». Идеология в своей развернутой фазе в соответствии с духом времени заявляла о себе как о теории, как о сумме идей и положений, соответствующей канонам научного знания с его доказательностью, логической непротиворечивостью и подтверждаемостью опытом. Однако под рационалистическим оформлением ключевых концептов идеологии, как бы строго и последовательно оно ни выдерживалось, лежало и лежит религиозное, метафизическое по своему характеру и генезису содержание. Именно это содержание определяет жизненную силу идеологии, ее способность генерировать социальную энергию, определять направленность качественных социально-политических преобразований и создавать глобальные проекты. Основу идеологии, в полной мере способной выполнять функцию «обмирщенной религии», в конечном счете, всегда составляет сюжет о борьбе добра и зла, о пути к спасению и о нахождении «больших смыслов» в жизни индивида и народа – иначе идеология не имеет мобилизующей силы, способной двигать развитие. В данном отношении, заметим, не вполне обоснованным представляется выделение в качестве трех основных идеологи-

ческих систем Модерна либерализма, социализма и консерватизма. Здесь за основу типологизации, как правило, берется базовый критерий – отношение к развитию, к переменам. Подобный ход допустим при решении определенного круга исследовательских задач. Тем не менее по своей глубинной природе только либерализм и социализм в полной мере являются политическими идеологиями современности – лишь они имели собственную светскую метафизику (в социализме – носившую неявный характер), в то время как консерватизм в различных его вариантах был склонен опираться на собственно религиозную традицию.

Применительно к либерализму и к проекту Модерна в целом тезис об их укорененности в протестантизме не нуждается в дополнительном развернутом обосновании – достаточно обратиться к классическим работам М. Вебера и Т. Карлейля, показавшим глубокую связь протестантизма с экономическими и политическими институтами современного Запада. По афористическому заключению Т. Карлейля, «протестантизм – корень огромных размеров; из него растет и ветвится вся наша последующая европейская история» [Карлейль 1994: 102]. В анализе Реформации как истока современности основное место, как правило, отводится идее всеобщего священства, презумпции доверия к разуму, императиву свободы совести, «мирской аскезе» и другим аспектам протестантских учений, выразившим на языке теологии то, что впоследствии в политико-правовых учениях Т. Гоббса и Дж. Локка было сформулировано в концепциях естественного права и общественного договора, а в производственных практиках стало особым отношением к различным видам мирской деятельности как средству выявления и подтверждения «избранности к спасению». Однако при акценте на роли протестантизма в зарождении идейно-политических и правовых установок либеральной мысли необходимо зафиксировать другой важнейший момент: сохранение либеральной идеологией в качестве «светской религии» вертикальной ориентированности на высшие смыслы и убежденности в поступательном движении истории, что на предельных уровнях и задает общность структуры идеологии и религии.

Эта общность отчетливо проявлялась и в базовых чертах модели переноса теоретических разработок в общественно-политическую деятельность и практику. Они определялись главным образом самой природой проекта Модерна, который для целого ряда теоретиков, включая, скажем, Ю. Хабермаса, выступает синонимом понятия Просвещения. При всех оговорках о как минимум дискуссионном характере такого отождествления следует признать, что оно позволяет выявить основные типологические черты деятельности «теоретической лаборатории» либерализма, сложившиеся в классический период. Если прибегнуть к метафоре, такую деятельность можно назвать миссией проповеди и просвещения, обращенной к разуму каждого индивида.

Миссия проповеди, несомненно, находила наиболее полную реализацию в жизненных траекториях деятелей Реформации, периода, к которому восходит рождение современного Запада. Судьба реформаторов могла быть отмечена трагическим исходом – как у Т. Мюнцера и У. Цвингли – или, при всем накале и драматизме духовных исканий, складываться вполне благополучно, как у М. Лютера, но в любом случае их проповеди получали огромный отклик во всех сословиях – от социальных низов до правящих слоев. Авторы, облакавшие протестантские идеи нравственной автономии индивида в теоретические трактаты, – Т. Гоббс, Г. Гроций, Дж. Локк – были сосредоточены преимущественно на интеллектуальном труде, лишь эпизодически принимая участие в общественно-политической жизни своего времени. Тем не менее их труды на десятилетия задавали идеологический дискурс (в постмодернистском пони-

мании) периода становления либеральных институтов и практик, начиная от обсуждения норм политического представительства до регулирования отношений церкви и государства. Прочное сопряжение идей протестантизма и классического либерализма, с одной стороны, и социально-политических практик — с другой, определялось содержанием и направленностью исторических перемен — экономических, социальных и политических, в целом восходящей исторической динамикой проекта Модерна. Формирующийся, а затем осознавший свои интересы политический субъект Модерна получил идеологию, задающую контуры и смыслы проекта переустройства общества, а теория — живое осуществление в политических и экономических институтах и практиках.

Современная «теоретическая лаборатория» либерализма — это нечто принципиально иное по важнейшим параметрам, дающим основание говорить о ее как минимум неклассическом, как максимум — вполне постмодернистском характере. Ее содержательное наполнение в значительной мере определилось в период «больших дебатов» начала 70-х гг. XX в. и с тех пор не было отмечено сколько-нибудь значимыми теоретическими новациями. Если обратиться к работам, в которых дается обобщенный взгляд на картину теоретического поля либерализма, то в них на протяжении уже не одного десятилетия в том ли ином сочетании повторяются имена Дж. Ролза, Р. Дворкина, И. Берлина, У. Кимлики, Дж. Раца, М. Сэндела, М. Уолцера, А. Макинтайра, Р. Рорти и ряда других, не столь широко известных исследователей. Что касается концептуальной стороны, то ее составляют дебаты вокруг нескольких неизменных тем. Среди них идеи негативной и позитивной свободы, соотношение индивидуалистических и коммунитарных составляющих в определении природы человека и общества, в формировании культуры и основных социальных институтов, правомерности и пределов ограничения частной собственности, универсальности норм демократии и возможности их утверждения в обществах с различной историко-религиозной традицией [Moon 2014; *Liberalism at the Crossroads...* 2003]¹.

В этой системе теоретических построений центральное место, несомненно, принадлежит концепции Дж. Роулза. Его теория справедливости давно стала не просто классикой либеральной мысли, но и точкой отсчета, от которой так или иначе отталкиваются все авторы независимо от того, ведут ли они полемику с представителями либерализма, или, напротив, их идеи лежат в русле данного направления. Идейному наследию Дж. Роулза в целом и его самой влиятельной работе в особенности посвящено множество статей и монографий [Rawls's *Political...* 2015; Алексеева 2000]. Но при всем непреходящем интересе к теоретическим разработкам Дж. Роулза за пределами внимания исследователей обычно остается вопрос, сохраняет ли современный либерализм в том его варианте, который был предложен и обоснован в теории справедливости, качества политической идеологии, в полной мере присущие классическому либерализму.

Квинтэссенцию концепции Дж. Роулза составляет максима, согласно которой «все общественные первичные блага: свобода и возможность самореализации, доход и благосостояние, социальные предпосылки самоуважения людей — должны распределяться поровну, если только неравное распределение некоторых или всех этих благ не послужит выгоде тех, кто находится в наименее благоприятном положении» [Rawls 1971: 303]. Собственно, есть все основания назвать этот тезис предельно концентрированным выражением «духа 1960-х гг.». В этот период одновременно идут несколько процессов, основными из которых выступают, во-первых, усиление активности различных меньшинств, требую-

¹ См., напр.: *Liberalism: Old and New* (ed. by E.F. Paul, F.D. Miller, J. Paul). 2007. N.Y.: Cambridge University Press; *Autonomy and Challenges to Liberalism* (ed. by J. Christman, J. Anderson). 2005. Cambridge: Cambridge University Press.

щих обеспечения реального равенства прав, и, во-вторых, постоянное повышение ожиданий в отношении «государства благосостояния» и принятых в его рамках программ перераспределения доходов, обеспечивших в кратчайшие по историческим меркам сроки формирование так называемого среднего класса. Сочетание этих процессов на очень сжатом отрезке времени в итоге дало кумулятивный эффект резкого роста политического участия. Было понятно, что система достигла «точки бифуркации»: или дальнейшее развитие уже проявившихся и постоянно нарастающих тенденций должно привести к ее качественным изменениям, или им будет поставлен заслон, и начнется обратное движение. То направление либерализма, к которому принадлежит Дж. Ролз, выбрало первый вариант ответа на запрос 1960-х: его теория сформулирована как своего рода оптимистическая манифестация возможности достижения обществом некоего совершенного состояния, в котором обеспечен баланс интересов, в полной мере соответствующий требованиям справедливости. Что при этом дает основание рассматривать концепцию Дж. Ролза в качестве заявки на новое кредо именно либеральной мысли, отвечающее социальным ожиданиям «бурных 1960-х», — это ее базовая идея нравственной автономии личности, условием обеспечения которой и выступает обоснованный в «Теории справедливости» способ распределения общественных благ.

На первых же шагах дискуссии, развернувшейся после публикации работы Дж. Ролза, было отмечено, что его концепция отличается принципиальной неопределенностью в отношении устройства общества и той политики, которая позволила бы реализовать принципы справедливости на практике. В отличие от него, ряд авторов, разделяющих общую идею справедливости в интерпретации Дж. Ролза, сделали выводы практического плана. Они заключили, что принятые в 1950–1960-х гг. программы «государства благосостояния» могли бы при условии постоянной оценки их влияния на положение различных социальных групп и более детального приспособления к нуждам этих групп обеспечить постулируемое теорией равенство. Однако таких мер недостаточно — концепция Дж. Ролза, если строго ей следовать, «требует, чтобы каждый человек начал свою жизнь, имея равную с другими долю общественных ресурсов», а это предполагает, что любым программам выравнивания доходов «должно предшествовать единожды проведенное радикальное перераспределение богатства и собственности» [Современный либерализм... 1998: 180].

По сути, столь далеко идущие выводы, которые сам Дж. Ролз не опровергал, предопределили последующую историю «теоретической лаборатории» либерализма. По словам У. Коннолли, с этого момента неготовность пожертвовать либеральными принципами у Дж. Ролза и его сторонников «во все большей степени дополняется отходом от решения практических вопросов... этот принципиальный либерализм не чувствует себя уютно в цивилизации продуктивности, но и не готов оспаривать ее гегемонию» [Connolly 1984: 233]. Соглашаясь с выводом У. Коннолли, заметим только, что термин «цивилизация продуктивности» использован им как такой же эвфемизм, как и «рыночная экономика», названный Дж. Гэлбрейтом в его последней работе «Экономика невинного обмана: правда нашего времени» неопасной альтернативой термину «капитализм». Поскольку термин «капитализм» стал неприемлемым в силу резко отрицательной коннотации, была найдена альтернатива — «рыночная система». Это выражение не имело негативной истории: «впрочем, — как говорит Дж. Гэлбрейт, — у него вообще не было истории. Вряд ли можно было отыскать термин, более лишенный всякого смысла, — и выбор был сделан» [Гэлбрейт 2009: 22-23].

Выбор был сделан и теми представителями либеральной теории, которые стремились сохранить гуманистический потенциал классического либерализма,

но интеллектуальная добросовестность не позволяла им, игнорируя более чем вековую социалистическую традицию, продолжать следовать великой для своего времени иллюзии о трудовой природе собственности, присущей раннему этапу классической либеральной мысли. Теория Дж. Ролза обозначила рубеж, на котором строго в рамках современной либеральной мысли было показано, что гуманистическая идея личностного самоопределения, заявленная в протестантизме и классическом либерализме как важнейшее для них требование свободы совести, ведет к принципиальным социально-экономическим решениям, выходящим за рамки существующей системы. В таких условиях ответом «теоретической лаборатории» либерализма на необходимость сколько-нибудь определенного политического позиционирования стала самоизоляция от политики и подчеркнутый поворот к формализованным изысканиям, лишенным какой-либо направленности на поиск путей переустройства общества, что разительно отличается от классического периода, когда идея и практика были теснейшим образом связаны друг с другом. Идейная и политическая инициатива оказались отданными неолиберализму, вскоре концептуально заявившему о себе в известном докладе Трехсторонней комиссии «Кризис демократии», подготовленном в 1975 г. С. Хантингтоном, Дз. Ватануки и М. Крозье.

За столь быстрой и полной уступкой неолиберальному курсу, предельно точно и емко названному американским исследователем К. Лэшем «восстанием элит и предательством демократии», несомненно, стояла решимость господствующих групп остановить опасные для них процессы и удержать власть. В то же время доминирование неолиберализма не могло не иметь внутренних причин, порожденных теми изменениями, которые претерпела либеральная теория в постклассический период [Лэш 2002]. Важнейшее среди этих изменений — отказ от различения высших смыслов, с одной стороны, и широко понятых, но исключительно секулярных интересов — с другой. В протестантизме и наследовавшем ему классическом либерализме свобода совести имеет определяющее значение не сама по себе, но как обязательное условие нравственной ответственности индивида, сознающего свою греховность, но полного решимости сделать все, что в его силах, для движения к недостижимому идеалу и, тем самым, для подтверждения своей избранности к спасению.

В начале своего исторического пути либерализм был ориентирован на идеи возвышения человека над собственной ограниченностью, на создание таких институтов, которые призваны сохранить свободу и усовершенствовать дух народа, как об этом, например, размышлял Т. Джефферсон [Джефферсон 1969: 64]. Смысл жизни индивида и народа выявлялся ориентацией на сакральную вертикаль, ведущую, в пределе, к спасению. Именно эта разность потенциалов между полюсами сакрального и профанного задавала динамику развития — истории как таковой, исторической судьбы народа и жизненной траектории индивида.

Постклассический либерализм исходит из равноценности всех устремлений и образов жизни и, в концепции Дж. Ролза, считает главной задачей определение «честных долей», предоставляемых каждому индивиду для реализации этих устремлений. Иными словами, никаких целей за пределами утилитарной заботы индивида о своем благосостоянии он не признает. На поверхности Дж. Ролз и его сторонники наследуют либеральной классике, также утверждавшей свободу выбора жизненных целей и преследования частного интереса. Фактически же речь идет о фундаментальном сдвиге — отказ от различения сакрального и профанного влечет за собой отказ от проекта Модерна в целом со всеми его важнейшими смысловыми и ценностными составляющими: от идеи истории, понимания народа как общности, объединенной призванием,

высшими целями и исторической судьбой, до веры в способность человека преодолеть свою греховность. Для постклассического либерализма нет напряжения между полюсами сакрального и профанного, не существует исторической драматургии борьбы добра и зла, а, следовательно, сам постклассический либерализм утрачивает характер идеологии и способность выполнять ее функции. В этих условиях «теоретическая лаборатория» либерализма окончательно уходит из идеологического поля, молчаливо признав свою неспособность ответить на вызовы истории.

Список литературы

- Алексеева Т.А. 2000. *Современные политические теории*. М.: РОССПЭН. 479 с.
- Гэлбрейт Д.К. 2009. *Экономика невинного обмана: правда нашего времени*. М.: Европа. 88 с.
- Джефферсон Т. 1969. Заметки о штате Вирджиния. — *Американские просветители. Избранные произведения в двух томах* (пер. с англ.) М.: Мысль. Т. 2.
- Карлейль Т. 1994. *Теперь и прежде*. М.: Республика. 415 с.
- Лэш К. 2002. *Восстание элит и предательство демократии* (пер. с англ. Дж. Смити, К. Голубович). М.: Логос; Прогресс. 224 с.
- Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон* (пер. с англ. Л.Б. Макеевой). 1998. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция. 248 с.
- Connolly W. 1984. The Dilemma of Legitimacy. — *Legitimacy and the State* (ed. by W. Connolly). Oxford: Blackwell.
- Liberalism at the Crossroads: an Introduction to Contemporary Liberal Political Theory and Its Critics*. 2nd ed. (ed. by W. Christopher). 2003. Lunham, MD: Rowman & Littlefield. 230 p.
- Moon J.D. 2014. *John Rawls: Liberalism and the Challenges of Late Modernity*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield. 160 p.
- Rawls J. 1971. *Theory of Justice*. London: Oxford University Press.
- Rawls's Political Liberalism* (ed. by T. Brooks, M. Nussbaum). 2015. N.Y.: Columbia University Press. 224 p.

KAMENSKAYA Galina Valentinovna, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Leading Researcher of the Department of Political Theory, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (23 Profsoyuznaya St, Moscow, Russia, 117997; stp@imemo.ru)

THEORETICAL LABORATORY OF MODERN LIBERALISM

Abstract. The article substantiates the idea of a fundamental difference between classical liberal theory and postclassical liberalism. The essence of this difference is the refusal to separate the poles of the sacred and profane, which entails fundamental consequences: the rejection of the idea of history and the Modern project as a whole, and, ultimately, the loss of nature of ideology and the ability to fulfill its functions by liberalism.

Keywords: ideology, Modernity, liberalism, theory of justice, postclassical liberalism